

«Язык и семиотика тела».**Исследования Г. Е. Крейдлина по воплощенной семиотике**

© 2024

Юлия Владимировна Николаева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия;

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,

Москва, Россия; julianikk@gmail.com

Аннотация: Взаимодействие тела и среды посредством невербальных знаков и присвоение этим знакам лингвистических обозначений определяет переход от простого существования к семиотическому уровню. Один из основных принципов этого подхода заключается в следующем: тело как инструмент взаимодействия с окружающей средой и другими субъектами служит основой для оценки всех контекстов и событий прежде всего как благоприятных (для существования и развития организма), неблагоприятных и нейтральных, а также для определения значимости отдельных событий. Таким образом, тело становится источником смыслов, заложенных в знаках. Воплощенный подход к исследованию символических значений можно встретить в самых разных областях начиная с психоанализа, философии и работ по теории искусства и заканчивая исследованиями в области антропологии и когнитивистики. Накопленные на современном этапе знания позволяют более подробно изучить, как движения тела и в целом осознание тела и его частей в коммуникативном пространстве встраиваются в знаковую коммуникацию. В двухтомнике «Язык и семиотика тела», написанном коллективом авторов под руководством Г. Е. Крейдлина (2020), движения, части тела и их языковые обозначения рассматриваются как целостная и непротиворечивая знаковая система, что соответствует подходу, принятому в рамках воплощенной семиотики, в которой коммуникативные события приобретают смысл на основе опыта их существования в окружающем мире и телесного взаимодействия с ним. В статье рассматривается текст коллективной монографии «Язык и семиотика тела» и современные подходы к изучению символической репрезентации телесного как культурно-специфического феномена. Хотя сам Г. Е. Крейдлин говорит о своей области как о невербальной семиотике или мультимодальной лингвистике, можно сказать, что выход книги «Язык и семиотика тела» знаменует собой значительный вклад в представление воплощенной семиотики в русскоязычном лингвистическом пространстве.

Ключевые слова: жестикуляция, обзор, семиотика, телесность

Благодарности: Исследование выполнено в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Николаева Ю. В. «Язык и семиотика тела». Исследования Г. Е. Крейдлина по воплощенной семиотике. *Вопросы языкознания*, 2024, 2: 143–158.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.2.143-158

“Language and body semiotics”.**Grigory E. Kreidlin’s research on embodied semiotics****Yulia V. Nikolaeva**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; HSE University, Moscow, Russia;

julianikk@gmail.com

Abstract: The interaction between the body and the environment through non-verbal signs and the assignment of linguistic designations to these signs determines the transition from mere existence to the semiotic level. One of the basic principles of this approach is the following: the body as a tool in interaction with the environment and other subjects serves as a basis for evaluating all contexts and events primarily as favorable (for the existence and development of the body), unfavorable and neutral, as well as for determining the importance of individual events. In this way, the body becomes the source of the meanings inherent in signs. The body as a source of symbolic meanings has been considered in a wide range of fields, from psychoanalysis, philosophy, and art theory to studies in anthropology and cognitive science. The knowledge accumulated at the present stage allows us to study in more detail how body movements and, in general, the presence of the body and its parts in the communicative space are embedded in symbolic communication. The two-volume “Language and semiotics of the body”, written by a team of authors led by G. E. Kreidlin (2020), considers movements, body parts and their linguistic designations as a coherent and consistent sign system, which corresponds to the approach adopted within embodied semiotics, in which communicative events acquire their meaning based on the experience of their existence in the surrounding world and bodily interaction with it. This article considers the text of the collective monograph “Language and semiotics of the body” and modern approaches to the study of the symbolic representation of the body language as a culturally specific phenomenon. Although G. E. Kreidlin himself speaks of his field as non-verbal semiotics or multimodal linguistics, the publication of the book “Language and Semiotics of the Body” can be said to mark a significant contribution to the representation of embodied semiotics in the Russian-speaking linguistic space.

Keywords: embodiment, gestures, semiotics, survey

Acknowledgements: This research was performed according to the Development Program of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Nikolaeva Yu. V. “Language and body semiotics”. Grigory E. Kreidlin’s research on embodied semiotics. *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, 2: 143–158.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.2.143-158

Введение

Телесная (или воплощенная) семиотика (также семиотика тела) — область, изучающая значение сообщений, передаваемых через естественные движения и указания на части тела. Внимание к этой сфере можно увидеть в самых разных областях начиная с литературоведческих работ, изучающих, как писатели выражали свой замысел через внешность и физическое действие и взаимодействие персонажей. Изучение мифов также открывало символические значения частей тела и физических действий персонажей в мире. Другие сферы, изучавшие разные области искусства, такие как театр, танец или живопись, обращали внимание на то, как посредством движений или даже знакового присутствия в коммуникации тело могло выражать разные значения, в том числе абстрактные. С другой стороны, психология, в частности психоанализ, еще с работ З. Фрейда учитывает соматические проявления и интерпретирует их как некое сообщение, не обязательно какому-то определенному адресату.

Исследования невербальной коммуникации, которые начались с работ антропологов, также большое внимание уделяли тому, как люди ведут себя в естественной обстановке, как проявляют себя и как эти их действия интерпретируются окружающими, которым доступен этот код.

В последние десятилетия с развитием воплощенного подхода в когнитивной психологии область невербальной семиотики приобрела новое измерение, включающее не только передачу информации, но и формирование концептов в процессе взаимодействия организма со средой.

Вклад лингвистики в эту междисциплинарную область можно обозначить как попытку описать значения невербальных знаков вне связи с конкретными участниками

коммуникации и ситуацией, в которой происходит взаимодействие. При этом лингвистика получает возможность исследовать, как визуально-кинестические знаки (такие как жесты, позы, выражение лица и т. п.), с одной стороны, выступают как единицы, аналогичные словам естественного языка, т. е. обладают собственным значением, а с другой — остаются обусловлены опытом взаимодействия говорящего с окружающим миром и тем, что это взаимодействие приносит человеку как субъекту, обладающему телом с его возможностями и ограничениями.

Выход в свет двухтомника «Язык и семиотика тела», написанного коллективом авторов под руководством Г. Е. Крейдлина [2020], рассматривает движения, части тела и их языковые обозначения как связную и последовательную знаковую систему, что соответствует подходу, принятому в рамках воплощенной семиотики (*embodied semiotics*), в котором коммуникативные события приобретают свое значение, исходя из опыта их существования в окружающем мире и телесного взаимодействия с ним. В данной статье сопоставляются текст упомянутой коллективной монографии и современные подходы к изучению того, как в языке отражается символическое представление о телесном как культурно-специфическом феномене. Осмысление взаимодействия тела и среды через невербальные знаки и присвоение этим знакам языковых обозначений определяет переход от простого существования к семиотическому уровню. Одним из базовых принципов такого подхода можно назвать следующий: тело как инструмент при взаимодействии с окружающей средой и другими субъектами служит основанием для того, чтобы оценивать все контексты и события в первую очередь как благоприятные (для существования и развития организма), неблагоприятные и нейтральные, а также определить важность отдельных событий. Таким образом, тело становится источником смыслов, присущих знакам.

1. Телесный опыт как предмет семиотики

1.1. Телесность сквозь призму феноменологии

Идея о том, что познание зависит от того, как человек взаимодействует со средой и другими людьми, подробно исследовалась в рамках феноменологического направления в философии в начале и середине XX в. Так, Э. Гуссерль пишет о том, что мы воспринимаем мир через наше материально-физическое тело; опыт столкновения с другими материальными вещами позволяет нам переживать, наряду с физическими ощущениями (осознания, движения, а также тепло, холод или боль), и чувства [Гуссерль 1913/1999].

М. Мерло-Понти [1945/1999], развивая идеи Гуссерля, пишет: «Все, что я знаю о мире, пусть даже и через науку, я знаю исходя из моего видения или того жизненного опыта, без которого символы науки были бы пустым местом»; физическое существование собеседников, наличие у них тела и внешности, согласно Мерло-Понти, — условие для диалога, а язык вырастает из телесности. Поскольку человек рождается в определенной культурной среде, его взаимодействие с миром оказывается одновременно природно и культурно обусловленными. Объекты воспринимаются с учетом того, какие возможные действия они предполагают. Мерло-Понти, помимо этого, говорит про язык как «телесный жест», считая речь такой же естественной, как, например, произвольное движение руки. Восприятие других живых существ происходит через призму собственного опыта: они также представляются в первую очередь воспринимающими телами и лишь затем — как сознающие существа, однако возможность сознания и определяется самим фактом восприятия.

М. де Серто, продолжая феноменологическую традицию, выводит понимание воплощенной природы познания на следующий уровень, обозначая тело как источник текста, смысла или дискурса, т. е. говорит о семиотизации тела, «превращении его в текст»

и «конвертации пространственной организации тела в семантическую организацию словаря (и наоборот)» [де Серто 1975/2001].

1.2. «Воплощенный разворот» в семиотике

Воплощенный подход в семиотике [Violi 2003] стал набирать популярность с конца 1980-х годов под влиянием направления в философии и психологии, которое получило название «воплощенное познание» (embodied cognition, см., например, [Shapiro 2007; Adams, Aizawa 2019; Varela et al. 1991; Варела и др. 1991/2023]).

Развитие когнитивной лингвистики в последние десятилетия опиралось на открытия в психологии, антропологии, нейрофизиологии и т. д., что привело к пониманию обусловленности когнитивных, семантических и языковых структур нашим опытом физического взаимодействия с миром; такие структуры также называют «воплощенными» [Stjernfelt 2006]. Этот подход представлял альтернативу формалистской традиции, которая изучала мышление и язык без учета тела как их инструмента и способа реализации. Известная метафора, сопоставляющая мозг и компьютер, предполагала, что свойства вычислительной машины не влияют на работу «программного обеспечения», в то время парадигма воплощенного сознания исходит из того, что устройство нашего тела и мозга определяет наше мышление и язык.

Дж. Лакофф сформулировал тезис об отражении телесного опыта в языке следующим образом: «Свойства определенных категорий являются следствием биологических возможностей человека и его опыта существования в некотором физическом и социальном окружении» [Lakoff 1987: 12] (пер. мой. — Ю. Н.). Среди основополагающих лингвистических работ в этом направлении можно также назвать статью М. Джонсона [Johnson 1987], который на примере предлогов показал, что семантическое содержание многих слов восходит к физическим действиям человека в мире.

Многие исследователи обращаются к миру животных, сравнивая их коммуникативные системы с человеческой. Организмы (включая насекомых, птиц и других животных), взаимодействуя с миром, уже имеют «встроенный» первичный семиотический механизм, не требующий обязательно каких-либо когнитивных процессов; этот механизм позволяет интерпретировать мир через непосредственное восприятие [Clark 1997]. Организм на этом этапе категоризирует ощущения как хорошие, плохие и не имеющие значения для выживания. Этот процесс определяется сенсорными / перцептивными возможностями организма (а далее — опытом и способами взаимодействия со средой и другими организмами, которые позже образуют устойчивые сочетания и системы [Deely 1990]). Таким образом, сознание, тело и мир неразделимы и вместе участвуют в процессе осмысленного существования.

В результате можно сказать, что сознание оперирует образами, определяемыми существованием и действиями тела — об этом писали также Лакофф и Джонсон [Lakoff, Johnson 1980]. Таким образом, сенсомоторные возможности человеческого тела служат основой не только для восприятия, но и для концептуализации, а мышление — это непрерывный процесс, когда мы сравниваем наш опыт в данный момент с предшествующим опытом в разных сферах через посредство метафор. Благодаря телесному опыту мы непосредственно воспринимаем такие понятия, как *вверху / внизу, внутри / снаружи, близко / далеко*, что создает основу для семиотических примитивов и мышления.

Дж. Дили развивает эту мысль дальше в [Deely 2013]: хотя первоначально наша семиотическая система основана на биологических предпосылках, мы выражаем наши идеи в форме знаков (язык, живопись и пр.) и, опираясь на них, строим наше восприятие и деятельность в окружающем мире. В результате телесный опыт переносится в другие области, позволяя осмыслять абстрактные понятия, например, радость как движение вверх или печаль как движение вниз.

Метафоризацию также можно рассматривать не как перенос сенсомоторного опыта в область абстрактных идей, а как смешение концептов (*conceptual blend*) [Fauconnier, Turner 1998], показывающее сходство двух областей, когда общие черты позволяют создать новое пространство (что может служить, например, основой для загадок и анекдотов или для создания вымышленных животных, таких как крылатый конь Пегас). Используя аналогии из материального мира, мы можем объединить «корабль» и «нож», поскольку они имеют схожие свойства — движение по некоторой поверхности, по прямой, оставляющее след, в результате можно сказать, что *корабль, как нож, рассекает воду*. В основе этих рассуждений также лежит идея о том, что воплощенные схемы служат основой для высших когнитивных функций, определяющих, в свою очередь, бесконечные семиотические возможности [O'Neil 2008].

Другой стороной воплощенного подхода в современной когнитивистике, наравне с признанием сенсорного опыта, является понимание социального взаимодействия как источника значений [Sinha, Jensen de López 2000]. Развивая приведенный выше в этом разделе тезис Дж. Лакоффа, К. Синха и К. Йенсен де Лопес формулируют свою позицию следующим образом: «Человеческое тело (и нервная система) взаимодействует с физическим (и социальным) окружением как универсальным источником образных схем (а также схем для отображения событий, движения и столкновения разнонаправленных импульсов)», и далее: «Метафорическое расширение является инструментом для того, чтобы воплощенный опыт помог структурировать многие другие не-физические (а, например, психологические и социально-межличностные) сферы» (пер. мой. — Ю. Н.). В качестве примера реализации таких схем в языке можно привести следующие выражения: «*преступить закон*», «*их отношения стали ближе*» или «*уклоняться от исполнения своих обязанностей*». Влияние социального окружения проявляется в том, что языковые практики по использованию воплощенных метафор, принятые в социуме, в котором растет ребенок, также служат основанием для его концептуальных схем, наравне с его собственным эмпирическим опытом. В таком случае культурные репрезентации будут проявляться двояко: и как социальные конструкты, влияющие на восприятие и категоризацию окружающего мира, и как когнитивные паттерны. Материальная культура также является выражением или воплощением культурного знания (в качестве примера можно привести осмысление маленькими детьми уже с возраста девяти месяцев чашки как контейнера, у которого есть прототипическая ориентация, даже если экспериментатор протягивал им чашку, перевернутую вверх дном). Соответственно, «язык является основным средством, благодаря которому тело входит в социокультурную сферу как объект семиозиса, и это происходит с помощью двух инструментов: через культурные дискурсы о теле и через языковые практики контроля и управления телом» [Bucholtz, Hall 2016] (пер. мой. — Ю. Н.).

Д. Лидов [Lidov 2018] подчеркивает, что семиозис строится на стирании лишнего, ситуативного, индивидуализирующих признаков (см. также [Terrado-Pablo 2017]); в результате физические источники знака забываются, что Лидов связывает с нашей способностью отделять означаемое от означающего. Приведенный выше эксперимент с чашкой как контейнером, у которого есть «правильное» положение, служит примером абстрагирования — создания схем, не привязанных к конкретному перцептивному контексту, расположению данной чашки в данный момент.

Воплощенная семиотика смыкается с когнитивной семантикой [Langacker 1999; Talmay 2011; Geeraerts 2021], когнитивной семиотикой [Zlatev 2012; Paolucci 2021] и социокогнитивной лингвистикой (см. обзор в [Ирисханова 2014]). Все эти области объединяет понимание того, что сенсомоторный опыт играет важную роль в формировании языковых репрезентаций и социальных практик. О. К. Ирисханова [2014] отмечает полимодальность как важное свойство моделей, создаваемых в рамках социокогнитивного подхода в лингвистике, подразумевая под этим «способность реализовываться через разные семиотические системы и каналы восприятия и обработки информации».

Важность подхода, учитывающего присутствие собеседников в едином физическом пространстве в момент коммуникации и возможность невербального взаимодействия между ними, можно показать на следующих примерах. Жесты и даже совсем небольшие по амплитуде движения — такие как изменение направления взгляда или движение бровей — могут существенно повлиять на ход коммуникации, при этом все участники одновременно являются активными действующими лицами, в визуально-кинетических каналах они не разделяются на активных (говорящих) и пассивно воспринимающих (слушающих); реакция адресата может определить ход беседы и повлиять на речь говорящего, даже если она выражена невербально. Помимо этого, невербальная сторона коммуникации не бывает нейтральной, незначимой; появление или отсутствие определенных знаков — таких как, к примеру, кивки слушающего или направление его взгляда — будет так или иначе проинтерпретировано его собеседниками и наблюдателями.

Рассмотрение телесного взаимодействия и воплощенной семиотики в когнитивной лингвистике, как предполагается, не только объяснит некоторые феномены, недоступные пониманию в рамках лингвоцентрического подхода, но изменит само понимание семиотических систем, возможно, выделяя тело и телесный опыт как основной и определяющий элемент [McDonald 2013].

Семиозис как процесс формирования знака всегда встроен в чувственные материальные процессы и по этой причине имеет, в терминах Пирса, динамическую (индексальную) сторону, которая позволяет протекать коммуникативному процессу [Пирс 2000]. Эту сторону семиотического процесса Хоффмейер [Hoffmeyer 2008] называет семиотической причинностью, поскольку она ограничивает возможные интерпретации знака теми, которые уместны в локальном контексте. Неизбежная укорененность в контексте знака, который используют участники коммуникации в какой-то определенный момент, обуславливает существование биосемиотики — науки о знаковых процессах в живых системах. Так, кожа позволяет нам ощущать внешний мир, но факт того, что мир можно ощутить, требует не только наличия кожных рецепторов, для него требуется еще биологический смысл — функциональные интерпретации множества сенсорных стимуляций для того, чтобы тело могло интерпретировать эти сигналы и реагировать соответствующим образом: импульсы от одного конкретного нервного окончания сравниваются с импульсами от близлежащих точек кожи, а также с импульсами от мышц и суставов. Осмысленная интеграция этих чувственных данных образует стереогностическое чувство, которое затем будет объединено со всеми остальными органами чувств, чтобы создать оптимальную картину происходящего.

С другой стороны, предмет семиотики начинает разрастаться и даже иногда включать явления, изначально считавшиеся чисто биологическими, такие как обменные процессы в клетках живого организма, см., например, [Hoffmeyer 2008; Copley 2016; Barbieri 2008; Kull 1999]. Изменение объекта семиотики выглядит как попытка отойти от структурализма, когда знаками считались только единицы речи, а в первую очередь слова, к коммуникации реальных (а не абстрактных) людей в естественных обстоятельствах. Однако это похоже на отклонение маятника в противоположную сторону, когда семиотическая интерпретация накладывается на химические и биологические процессы (и даже включает их противоположность в биологическом смысле, а именно объединения организмов, которые иногда называют суперорганизмами, такие как пчелиный улей или муравейник см., например, [Turner 2016; Favareau 2009]). Возможность такой интерпретации объясняют фактом передачи сигнала, однако тут можно возразить, что в языковой коммуникации присутствуют отправитель сообщения и адресат, в прототипическом случае их общение является намеренным и осознанным.

Другой взгляд, также влияющий на понимание предмета семиотики, подразумевает такую интерпретацию когнитивных процессов, которая включает эмоции, при этом предлагается следующая аргументация: природа построила кортикальные механизмы, отвечающие за рациональное поведение, не просто поверх субкортикальных структур, связанных

с биологической регуляцией, но как следствие последней и с ее участием; а эмоции являются мостом между рациональными и биологически обусловленными реакциями, т. е. между кортикальными и субкортикальными структурами [Damasio 1994: 128]. У людей мы можем в результате наблюдать формирование вторичных эмоций, которые возникают, «как только мы начинаем испытывать чувства и формировать систематические связи между категориями объектов и ситуаций, с одной стороны, и первичными эмоциями, с другой» [Ibid.: 134] (пер. мой. — Ю. Н.). Формирование вторичных эмоций не только зависит уже от лимбической системы, но и задействует префронтальную и соматосенсорную кору головного мозга.

В результате таких изменений воображаемая граница между воспринимаемой реальностью и ее концептуализацией становится прозрачнее, поскольку абстрактные представления определяются теми структурами, которые отвечают за деятельность и восприятие, а телесный опыт становится отправной точкой для абстрактных мыслительных процессов: они опираются на метафорический перенос понятий, присущих сенсомоторной сфере, в не связанные с ней области. В качестве примера можно привести метафору «знать — значит, видеть», которая присутствует в таких словах, как «*просвещение*» или выражении «*давайте взглянем на этот вопрос с другой стороны*» [Stjernfelt 2006].

В связи с новым теоретическим подходом к изучению знаков, когда встает вопрос других форм сознания, и, соответственно, других типов семиотик (например, предлагаются семиотики геномного кода [Мечковская 2004] или вопрос о существовании знаковых систем для разных типов живых организмов, действия которых могут быть описаны в терминах когнитивных схем, таких как движение к цели), предлагаемая на данный момент граница связана с идеей ментальных репрезентаций, которые должны быть промежуточным звеном между действием или ощущением, с одной стороны, и знаком — с другой [Stjernfelt 2006].

2. Лингвистический подход к описанию телесных знаков

2.1. Знаковое vs. незнаковое поведение

В семиотике давно ведется дискуссия о разграничении знаков и не-знаков. В частности, можно упомянуть У. Эко, который очерчивал границы семиотики, исключая те объекты и явления, которые не являются предметом социальных конвенций, т. е. оставляя семиотике социокультурную сферу; за ее пределами оказывались такие объекты, которые могут быть использованы как инструменты, ср. [Носачев 2008]. Интересно отметить, что граница между знаковостью и не-знаковостью проницаема: если некий объект, до этого выступавший как инструмент, начинает рассматриваться как знак, он переходит в область интересов семиотики, и обратное движение также возможно [Ipsen 2006]. Таким образом, границу между семиотической и несемиотической сферой можно обозначить как противопоставление явлений, которые воспринимаются в данной культуре как знаки, и тех, которые (еще) не вошли в семиосферу данного сообщества (если пользоваться терминами Ю. М. Лотмана [2000]) или вербальный репертуар некоторого пространственного или социального объединения (в понимании Гамперца [Gumperz 1964]). Семиосферу как систему характеризуют такие свойства, как сохранение и передача информации во времени и набор правил, по которым организована данная семиосфера. Таким образом, в поисках знаковых явлений среди невербальных сигналов можно ожидать от них сохранность на протяжении по крайней мере какого-то времени и системную организацию таких знаков.

Буш [Busch 2021] рассматривает вербальный репертуар Гамперца через призму телесного переживания языка субъектами — с одной стороны, в процессе взаимодействия (и в устоявшихся языковых формулах или текстах), а с другой — на уровне воплощенного

опыта участников коммуникации, который также влияет на обусловленные культурой знаки, используемые при коммуникации. Буш связывает эти три понятия через образ тела, понимаемый как воображаемое (чаще всего неосознанное) представление воплощенного Я во взаимодействии с другими людьми и миром. В подтверждение своей позиции она приводит наблюдения Дуранти [Duranti 1992], который отмечает, описывая самоанские ритуалы приветствий, что тело (например, положение тела, жесты, взгляд) обеспечивает контекст для интерпретации лингвистических единиц (слов, морфем и т. д.), а также помогает формировать новые, иногда дополняющие, иногда противоречивые сообщения. И даже более того, тело человека не просто семиотический инструмент, помогающий кодировать и декодировать языковые сообщения, но само по себе мощное средство передачи информации, особенно когда коммуникантам доступна богатая культурная традиция, связанная с невербальным взаимодействием. В качестве еще одного подтверждения важности невербальной составляющей общения можно привести работы Ч. Гудвина [Goodwin 2000; 2003]. Он подробно разбирает примеры из обычных диалогов и показывает, как участники коммуникации учитывают физическое расположение друг друга, предыдущий контекст и среду, в которой происходит общение. Их положение, действия и совместное внимание имеют решающее значение для того, как адресат понимает происходящее и согласует свои реплики и действия; таким образом Гудвин предлагает включать в лингвистический анализ не только речь и жесты, но и элементы внешнего контекста, с которыми они связаны.

А. Кендон [Kendon 2004: 8] предлагает свое определение для знаковых явлений, говоря о жестах следующим образом: это заметное движение, реализуемое как явное коммуникативное действие, обычно адресованное другому человеку и воспринимаемое адресатом (и жестикулирующим) как следствие явного и осознанного намерения, и предполагающее передачу некоторого значения, помимо собственно движения (пер. мой. — Ю. Н.). Жесты, сопровождающие речь, можно разделить на два основных типа: иллюстраторы (связанные с содержанием слов и передаваемым сообщением) и регуляторы (отвечающие за управление коммуникацией, т. е. установление, поддержание и завершение контакта; среди самых заметных функций регуляторов — управление сменой ролей в диалоге). Пограничными с жестикуляцией классами с точки зрения отнесения их к знакам являются выражения эмоций и адаптеры. Первые, если появляются одновременно со словами, могут выражать отношения к сообщаемым фактам («*Моя жена выиграла главный приз в лотерею*») или указывать на модальные значения («*Здесь, должно быть, какая-то ошибка*»). Вторые определяют как движения, направленные на восстановление и поддержание физического и эмоционального комфорта и могут встречаться без речи. Если адаптеры появляются одновременно со словами, они с большой вероятностью выражают оценочные или эмоциональные значения [Hübler 2006]. Из уже приведенных примеров видно, что знаковые движения в диалоге не ограничиваются жестах рук, хотя движения рук наиболее заметны среди всех невербальных средств как средство передачи информации, дополняющей или иллюстрирующей речь. Однако в коммуникации выражение эмоций (отношение говорящего к предмету речи, собеседникам и т. п.) и регуляторы не менее важны, хотя гораздо меньше изучены. Если попытаться учесть все существенные для вербальной коммуникации значения этих типов, задача разграничения знаковых и незнаковых движений и поз становится еще сложнее.

Дж. Мартин и М. Заппавинья в [Martin, Zappavigna 2019] указывают на два признака при разграничении знакового и соматического (в их терминах — незнакового) поведения: 1) у знака есть значение (не уточняя, однако, что имеется в виду; обычно в литературе это понимается как возможность интерпретации адресатом или наблюдателем определенного поведения как знакового), 2) этот знак повторяется в разных контекстах.

Решая задачу разграничения знаковых и незнаковых явлений (или, в терминах автора, знаковых движений от симптоматических [Крейдлин 2002]), Г. Е. Крейдлин и его соавторы опираются на языковые номинации, особенно такие, которые образуют устойчивые языковые метафоры (ср. [Lakoff, Johnson 1980]), и на семиотический анализ в целом.

Такая стратегия представляется самой надежной, поскольку позволяет выбрать именно знаки в лингвистическом понимании; ее ограничения, однако, состоят в том, что не нашедшие языкового обозначения телесные знаки останутся для дальнейших исследований. Тем не менее можно сказать, что изучение жестов через их языковые номинации выглядит вполне оправданным, поскольку у языковых обозначений движений и частей тела часто есть небуквальные (метафоричные) значения и коннотации, так что определенно значение (и сам знак) существуют в языке независимо от контекста.

Следует, однако, учитывать, что природа кинетических (т. е. жестовых) знаков может отличаться от того, что мы видим как их языковые обозначения (это разграничение, по-видимому, не вполне прослеживается в тексте). Можно сравнить эту ситуацию с тем, как начинались исследования жестикуляции в современной лингвистике. Первыми были изучены и описаны эмблематические жесты, такие как «знак ОК» или «покрутить пальцем у виска» [Григорьева и др. 2001], поскольку они наиболее близки к языковым единицам: у таких жестов есть устойчивая узнаваемая форма, есть неизменное значение, правила употребления знака и часто устойчивые названия или стандартное (конвенциональное) речевое сопровождение. Однако эмблематические жесты встречаются на несколько порядков реже, чем спонтанные движения рук, которые сопровождают речь (сейчас чаще используются термины «речевые жесты (co-speech gestures)» или «жестикуляция», на том этапе лингвистических исследований невербальной коммуникации они назывались иллюстративными). Очевидно, что знаковые движения рук в коммуникации как система не могут быть изучены, если обращать внимание только на эмблемы.

Тут следует оговориться, что сравнивать знаки разных типов по частоте, с которой они встречаются в некотором массиве данных, — это корпусный подход. Авторы книги «Язык и семиотика тела», скорее, составляют словарь (который может в дальнейшем использоваться для создания, разметки и описания корпусов). Такой подход, который можно было бы назвать лексикографическим, имеет свои неоспоримые преимущества.

В книге обозначены следующие цели: семиотическая концептуализация тела и исследование фразеологизмов и устойчивых сочетаний с обозначениями частей тела через признаковый подход. Объектами изучения в таком случае оказываются сами части тела, их языковые описания, жесты и комплексные жестово-речевые единицы (с. 42). В качестве метода используется анализ «вербальных и невербальных аспектов коммуникации, которые определяют контекстными факторами», а результатом являются «правила употребления отдельных слов и жестов» и «условия их совместной встречаемости» (с. 41).

В центре исследований Г. Е. Крейдлина, по его собственному определению, находится знак, означающим которого является движение тела (или даже часть тела как источник коннотаций, в первую очередь через устойчивые языковые выражения). Ему особенно интересны случаи, когда этот знак теряет свою изначальную иконичность и обретает символический смысл, во многом определяемый, однако, функциями этой части тела и движения.

Г. Е. Крейдлин и его соавторы собрали интересующие их обозначения движений и частей тела, которые они называют соматизмами (чаще всего отталкиваясь от их языковой номинации) в виде энциклопедии, насколько возможно полной, с систематическим описанием на созданном для этой цели метаязыке. В число соматизмов, упоминаемых в книге «Язык и семиотика тела», входят также воображаемые органы, такие как душа (см. [Руссо 2013]). В разных языках могут различаться свойства, приписываемые реальным и воображаемым органам, соответственно, их символизация тоже будет различаться (так, метафорическим вместилищем *гнева* или *храбрости* может быть сердце или печень, см., например, [Рубец 2009; Usmonova 2020]).

Можно считать, что описание значений частей тела и движений через призму языка и языковых сообщений — надежный способ остаться в рамках лингвистики, но расширить ее предмет за счет включения жестов и других движений, также участвующих в коммуникации лицом к лицу, наравне с вербальными; в частности, в этом аспекте упоминаются сообщения, в которых объединены жестовый и вербальный каналы.

Что характерно, в качестве примеров жестово-вербальных единиц в книге приводятся случаи, когда жестовые знаки синтаксически встроены в языковое выражение, как в примере «Он поймал вот такую рыбу!». Это самые заметные случаи сочетания жестов и речи, однако не самые частые; далеко не всегда синтаксическая структура высказывания и вербальные единицы так же эксплицитно, как в примере про рыбу, указывают на жест как на часть единого мультимодального сообщения. Другой пример, когда жест бывает обязательно встроено в вербальное общение, — этикетные жесты. Здесь опять-таки можно вспомнить историю изучения невербального общения в лингвистике. Первые мультимодальные (полимодальные) исследования также обращались к эмблематическим жестам и этикетным жестовым формулам [Creider 1977; Sparhawk 1976] и к жестам, замещающим какой-то элемент в синтаксической структуре [Royatos 1977; Капанадзе, Красильникова 1973]. Можно предположить, что в данном случае переход к новым явлениям (от движений рук к любым движениям тела и даже значениям его частей) закономерно вызвал возвращение к прозрачным примерам с опорой на лексические и синтаксические маркеры коммуникативной природы жеста.

2.2. Семиотический подход к изучению жестов

Поскольку жестикуляция и в целом все движения тела, сопровождающие речь, традиционно считаются спонтанными (в подавляющем большинстве случаев), не образующими устойчивой связи между означаемым и означающим, то возможность правильной интерпретации таких движений определяется, во-первых, их синхронизацией с речью — символическим кодом, а во-вторых, иконичностью самого знака.

Г. Е. Крейдлин и его соавторы рассматривают части тела и движения как элементы знаковой системы, отраженной в языке и встроеной в язык. Таким образом, авторы исследуют условия употребления и сочетания лексических единиц для описания «соматических объектов». Среди задач книги упоминается выявление и описание (переносных) значений устойчивых выражений и сочетаний с наименованиями частей тела (*ноги не ходят, голова раскалывается*) и закономерностей невербального поведения. При этом самая масштабная цель авторов книги обозначена следующим образом: «рано или поздно (...) описать все семантические и культурно выделенные значения у каждого телесного признака» (с. 98). Под культурной выделенностью понимается «важность этого значения для осмысления культурного контекста, в котором употребляется языковое выражение этого значения», или, другими словами, представление о том, что определенный признак характеризует его обладателя и при этом «передает стереотипные представления о нем и его теле, закрепленные в данной культуре» (с. 95). То есть цель этой работы в максимальной перспективе — перечислить все признаки, их значения, контексты использования и интерпретации, в т. ч. метафорические употребления.

Очевидно, что тут можно найти как культурно-специфические, так и универсальные признаки, и это тоже учитывается авторами и исследуется в соответствующих разделах. Таким образом, объект исследования в данной работе — не единицы в коммуникации (ср. мультимодальные кластеры [Гришина 2017], полимодальный дискурс [Иришханова (ред.) 2022]), а единицы языка как системы, если его не сводить к вербальным знакам.

В рамках такого подхода авторы выстраивают многоуровневую иерархию «часть тела — часть части тела — часть части части тела...» (например, руки — пальцы — ногти), уточняя, что в разных языках можно насчитать до шести таких уровней. Эта иерархия для рассматриваемой семиотической системы проявляется, в частности, в том, что по мере продвижения по ней уменьшается разнообразие функций, приписываемых этой части тела (если судить по устойчивым языковым выражениям) и нарастает определенность аномалий или дисфункций, присущих этой части.

Помимо этого, подход, использованный в книге, потенциально позволяет изучить, как признаки соматического объекта связаны с его семиотизацией. Авторы берут обе стороны континуума, на одном конце которого физическое проявление (например, размер части тела) и его языковое / жестовое осмысление, а на другом — абстрактные и метафорические значения («показать нос» в значении ‘дразнить’; использование уменьшительных суффиксов при описании внешности женщин и детей), и добавляют к этому разработанную ими систему описания соматических объектов, содержащую список всех потенциально релевантных параметров (например, геометрические признаки vs. сравнение с растениями и животными при описании внешности: «круглое лицо» — «нос картошкой» — «лебединая шея»).

2.3. Особенности книги «Язык и семиотика тела»

Во введении отмечается, что монография посвящена языку тела и языку жестов, таким образом «язык» понимается максимально расширительно (включая манеры, т. е. особенности вербального и невербального поведения). Однако в повседневном общении визуально-кинестическая составляющая (визуальная для адресата, кинестическая — для автора сообщения) почти всегда подчинена вербальной и не может служить самостоятельным средством коммуникации (очевидно, что жестовые языки представляют собой особую систему, которая принципиально отличается по своим возможностям и свойствам от жестикуляции, сопровождающей речь, даже если рассматривать ее в широком смысле, как движения и положение всех частей тела и тела целиком). В монографии также упоминаются как сопоставимые явления акциональный («язык знаковых действий») и ольфакторный («язык запахов») язык, что подводит к мысли о необходимости разграничения терминов и об обоснованности слова «язык» в этих контекстах, по крайней мере в лингвистических работах.

Помимо этого, хотя предметом исследования заявлен язык тела, скорее можно сказать, что в первом томе говорится о языковых описаниях частей тела типичных коммуникативных движений.

Попытка создания модели, которая в перспективе объясняла бы, почему можно сказать «руки-крюки», но нельзя *«ладони-крюки», и обосновывала бы другие подобные языковые феномены за счет создания правильной классификации (как это следует из логики первого тома) — сильная сторона книги и в целом очень масштабная и амбициозная цель. В дополнение к ней поиск способов создать «настоящую классификацию» с «непересекающимися классами» для «соматических объектов» (с. 89, сноска) выглядит как научный детектив.

Огромный объем рассматриваемого языкового материала (упоминается, что в его сборе помогали школьники — слушатели курсов Г. Е. Крейдлина в гимназии № 1514) и попытки учесть как можно больше существующих теорий и подходов в этой области впечатляют. С другой стороны, выход за рамки хорошо изученной тематики может быть причиной не всегда убедительных выводов, см. пример из подглавы 3.6. «Покровы» в первой главе: «Об особой культурной символизации ногтей говорит и фразеологический оборот «узнать (всю) подноготную», означающий ‘проникнуть силой в тайну, тщательно хранимую человеком, как бы загоняя ему для этого нечто острое под ногти’» (с. 79). Как представляется, это не самая вероятная интерпретация, ср. обсуждение этого фразеологизма в [Володина 2018]. Также вызывает вопросы отнесение хрящей к костям (с. 73), а сухожилий — к «сосудам» (вместе с кровеносными сосудами, с. 205).

Книга представляет собой результат масштабного и очень тщательного отбора и анализа всего, что касается отражения в языке и культуре частей тела и жестов, в этом отношении она развивает предыдущий знаковый труд Г. Е. Крейдлина — книгу «Невербальная семиотика» [2002]. Это в определенной степени новаторское исследование в малоисвоенной сфере, поэтому закономерна некоторая эклектичность и мозаичность в списке подразделов

(например, в том, что касается списка языков, для которых рассматриваются некоторые особенности невербального поведения, или стилей коммуникации). В этом случае, на мой субъективный взгляд, участие разных авторов (не указано, кто из них был автором какого раздела) является достоинством этой работы, поскольку цель — охват новой области настолько полный, чтобы сделать очевидной и простой последующую систематизацию этих данных и встраивание в уже сложившиеся сферы (во введении отмечается, что книга как междисциплинарное исследование может быть интересна «культурологам, психологам, литературоведам, философам, педагогам и искусствоведам»).

Если считать эту работу скорее лексикологической, чем мультимодально-лингвистической, представляются более обоснованными такие решения, как введение примеров исключительно через описание значения единицы или иногда с кратким вербальным описанием движения, так что фактически особенности реализации конкретного типа движений остаются за кадром, как и отличие встречаемых в реальности от тех, которые можно восстановить из литературных примеров. Следует, однако, учитывать, что не все соматические знаковые единицы находят отражение в языке. Диссонанс или противоречие между разными семиотическими системами и подсистемами также может служить частью общего сообщения, и в этом случае воплощенные знаки определяют значение языковых, а не наоборот [Bucholtz, Hall 2016]; структуру и закономерности использования таких сложных единиц еще предстоит изучить.

Семиотический подход позволяет увидеть важные взаимосвязи и предложить гипотезы для изучения другими методами (в частности, корпусными). Так, отмечается, что «в жестах из класса касаний ведущая роль отведена рукам и некоторым частям рук, в жестах из класса “выражение согласия / несогласия” — голове, а в молчаливых вопросах и ответах на них — глазам» (с. 39). Также заслуживает упоминания такое интересное наблюдение, как оценка степени «освоенности» соматического объекта через разнообразие его наименований. В дальнейшем эти наблюдения можно будет проверить количественными методами, например, на корпусном материале.

Очевидно, что не все предположения получают подтверждение. В книге транслируется часто встречающееся мнение, что языковые единицы количественно преобладают в диалоге над невербальными и что жестовые знаки более «наглядные», т. е. используются как дополнительные средства, если надо проиллюстрировать информацию, передаваемую словами. Как представляется, это связано с тем, что лингвисты традиционно смотрят на невербальные каналы в коммуникации через призму языка. Для сравнения можно вспомнить просодические средства, гораздо лучше изученные, чем жесты, для которых известно, что они в большой степени абстрактны и многозначны [Янко 2008], т. е. абстрактность значений противоречит тезису о «наглядности». Что касается доли кинетических (жестовых) единиц в коммуникации по сравнению с вербальными, этот вопрос еще предстоит исследовать; однако данные корпуса RUPEX [Кибрик 2018а; 2018б] позволяют предположить, что даже с учетом только движений рук и головы объем визуальной информации, передаваемой в ситуации общения лицом к лицу, по крайней мере сопоставим с вербальной, особенно если учесть прагматические и интерактивные значения жестов.

Заключение

Семиотические работы, следующие концепции воплощенного познания, помогают увидеть «многочисленные слои значений, определяемых нашей телесной природой, на которые опираются процессы мышления и коммуникации» [Pelkey 2023] (пер. мой. — Ю. Н.). Лингвистические исследования помогают проверить философские концепции в этой области и продемонстрировать, как в языке отражается связь тела и мышления, соединенных в непосредственно проживаемом опыте. Работы современных когнитивных лингвистов

показали, что такие абстрактные понятия, как «время», «познание» и «идеи» так же опираются на опыт взаимодействия с миром, как «бегать» или «видеть». Помимо укорененности в телесных ощущениях, воплощенный подход в современной лингвистике учитывает, что человек не просто воспринимает (и осмысляет) свои ощущения: мы как человеческие существа не только **обладаем** языком, опирающимся на наш телесный опыт, мы сами **являемся** такими воплощенными агентами в коммуникации, так что язык может быть не просто «способностью», а еще одним способом реализовывать наше бытие в мире [Di Paolo et al. 2018]. И даже более того, тело можно назвать необходимым условием существования языка [Bucholtz, Hall 2016]. Тот факт, что единицы и структуры языка опираются на перцептивную и моторную информацию, непосредственно подводит нас к пониманию того, как движения и жесты становятся важным элементом в коммуникации.

Благодаря когнитивно-лингвистическим исследованиям становятся понятными причины распространенности языковых метафор, опирающихся на телесные ощущения (такие как «счастье — вверху» или «плохое дурно пахнет»), а также как именно наш кинестетический (сенсорный) опыт определяет структуру абстрактных областей и взаимосвязь концептов. Телесные проекции можно наблюдать в словосочетаниях типа «*ножка кровати*», «*усте и рукава реки*», «*подножье горы*» или даже «*лобовое стекло*» автомобиля, когда отношения «часть-целое» переносятся с человеческого тела на другие, часто гораздо более крупные сущности. Воплощенные метафоры могут существенно различаться в разных языках, например, «высокий» или «низкий» музыкальные тоны в языке фарси будут названы как «толстый» и «тонкий», в кпелле — «легкий» и «тяжелый», а суи — «молодой» и «старый» соответственно; несмотря на различия, эмпирическая основа таких обозначений обеспечивает возможность перевода и взаимную понятность несовпадающих концептуальных систем, которые в итоге включают не только противопоставления, но также иконические схемы и разного рода маркированность понятий [Pelkey 2023].

Инструменты воплощенной семиотики позволяют продемонстрировать, как телесный опыт проявляется и на уровне абстрактного мышления (через пространственные и телесные метафоры для абстрактных понятий), и при каждом взаимодействии людей (например, помогая выразить их отношение к предмету речи и точку зрения).

Хотя сам Г. Е. Крейдлин говорит о своей сфере как о невербальной семиотике либо мультимодальной лингвистике, можно сказать, что выход книги «Язык и семиотика тела» отмечает появление в русскоязычном лингвистическом пространстве такой области, как воплощенная (или «отелесненная»), как предлагается в новом переводе [Варела и др. 1991/2023]) семиотика. Авторы, опираясь на концептуальный аппарат, разработанный в этой сфере для звучащего языка, показывают, как в русском языке развивались концептуальные схемы, источником которых является непосредственный телесный опыт.

В книге, вышедшей к юбилею Г. Е. Крейдина [Переверзева (ред.) 2023], это направление получило дальнейшее осмысление и развитие. Во-первых, идеи, описанные в книге «Язык и семиотика тела», находят свое отражение в таких сферах, как литературоведение, типология и описание языков, лексикология. Во-вторых, новое понимание невербальной составляющей языка и коммуникации дает возможность точнее описать и осознать разные стороны речевого взаимодействия. Наконец, намечаются новые направления в рамках лингвистики, связанные с идеями Г. Е. Крейдлина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Варела и др. 1991/2023 — Варела Ф., Томпсон Э., Рош Э. *Отелесненный ум. Когнитивная наука и человеческий опыт*. Тулупова К. (пер.), Лысенко В. (отв. ред.). М.: Фонд «Сохраним Тибет!», 2023 (1-я публ. 1991 г.). [Varela F., Thompson E., Rosch E. *Otelesnennyi um. Kognitivnaya nauka i chelovecheskii opyt* [The embodied mind. Cognitive science and human experience]. Tulupova K. (trans.), Lysenko V. (ed.). Moscow: “Save Tibet!” Fund, 2023 (first publ. in 1991).]

- Володина 2018 — Володина Т. В. Фразеология и магические практики в контексте антропо- и космогонических легенд (белорусская традиция на европейском фоне). *Миссия выполнима. Перспективы изучения фольклора*. Куйва М., Володина Т. (ред.-сост.). Тарту: ЭЛМ, 2018, 181–206. [Volodina T. V. Phraseology and magical practices in the context of anthropo- and cosmogonic legends (Belarusian tradition against the European backdrop). *Missiya vypolnima. Perspektivy izucheniya fol'klora*. Kujva M., Volodina T. (eds.). Tartu: ELM, 2018, 181–206.]
- Григорьева и др. 2001 — Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е. *Словарь языка русских жестов*. М.: Языки русской культуры, 2001. [Grigor'eva S. A., Grigor'ev N. V., Kreidlin G. E. *Slovar' yazyka russkikh zhestov* [A dictionary of Russian gestures]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 2001.]
- Гришина 2017 — Гришина Е. А. *Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения. Корпусные исследования*. М.: Языки славянской культуры, 2017. [Grishina E. A. *Russkaya zhestikulyaciya s lingvisticheskoi tochki zreniya. Korpusnye issledovaniya* [Russian gesticulation from a linguistic point of view. Corpus studies]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2017.]
- Гуссерль 1913/1999 — Гуссерль Э. *Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии*. Т. I. Михайлов А. В. (пер.). М.: ДИК, 1999 (1-я публ. 1913 г.). [Husserl E. *Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii* [Ideas pertaining to a pure phenomenology and to a phenomenological philosophy]. Vol. 1. Mikhailov A. V. (trans.). Moscow: DIK, 1999 (first publ. in 1913).]
- Ирисханова 2014 — Ирисханова О. К. Социокогнитивная лингвистика: структуры социальных знаний и проблемы их описания. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 2014, 4: 5–17. [Iriskhanova O. K. Sociocognitive linguistics: Social knowledge structures and problems of their description. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2014, 4: 5–17.]
- Ирисханова (ред.) 2022 — Ирисханова О. К. (ред.). *Полимодальные измерения дискурса*. М.: Языки славянской культуры, 2022. [Iriskhanova O. K. (ed.). *Polimodal'nye izmereniya diskursa* [Multimodal dimensions of discourse]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2022.]
- Капанадзе, Красильникова 1973 — Капанадзе Л. А., Красильникова Е. В. Жест в разговорной речи. *Русская разговорная речь. Приложение*. Земская Е. А. (ред.). М.: Наука, 1973, 464–481. [Kapanadze L. A., Krasilnikova E. V. Gesture in colloquial speech. *Russkaya razgovornaya rech'. Prilozhenie*. Zemskaya E. A. (ed.). Moscow: Nauka, 1973, 464–481.]
- Кибрик 2018a — Кибрик А. А. Русский мультиканальный дискурс. Ч. I. Постановка проблемы. *Психологический журнал*, 2018, 39(1): 70–80. [Kibrik A. A. Russian multichannel discourse. Part I. Problem statement. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2018, 39(1): 70–80.]
- Кибрик 2018б — Кибрик А. А. Русский мультиканальный дискурс. Ч. II. Разработка корпуса и направления исследований. *Психологический журнал*, 2018, 39(2): 79–90. [Kibrik A. A. Russian multichannel discourse. Part II. Corpus development and research directions. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2018, 39(2): 79–90.]
- Крейдлин 2002 — Крейдлин Г. Е. *Невербальная семиотика*. М.: Новое литературное обозрение, 2002. [Kreidlin G. E. *Neverbal'naya semiotika* [Non-verbal semiotics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002.]
- Крейдлин 2020 — Крейдлин Г. Е. (отв. рук.). *Язык и семиотика тела*. М.: Новое литературное обозрение, 2020. [Krejdlin G. E. (ed.). *Yazyk i semiotika tela* [Language and body semiotics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020.]
- Лотман 2000 — Лотман Ю. М. *Семiosфера*. СПб.: Искусство–СПБ, 2000. [Lotman Yu. M. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskustvo–SPB, 2000.]
- Мерло-Понти 1945/1999 — Мерло-Понти М. *Феноменология восприятия*. Вдовина И. С., Фокин С. Л. (ред.). СПб.: Ювента; Наука, 1999 (1-я публ. 1945 г.). [Merleau-Ponty M. *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of perception]. Vdovina I. S., Fokin S. L. (eds.). St. Petersburg: Yuventa, Nauka, 1999 (first publ. in 1945).]
- Мечковская 2004 — Мечковская Н. Б. *Семиотика: Язык. Природа. Культура*. М.: Академия, 2004. [Mechkovskaya N. B. *Semiotika: Yazyk. Priroda. Kul'tura* [Semiotics: Language. Nature. Culture]. Moscow: Akademiya, 2004.]
- Носачев 2008 — Носачев П. Г. У. Эко: путь от семиотики к онтологии. *Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия*, 2008, 23: 33–44. [Nosachev P. G. U. Eco: The path from semiotics to ontology. *Vestnik PSTGU. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya*, 2008, 23, 33–44.]
- Переверзева (ред.) 2023 — Переверзева С. И. (ред.). *Грани естественного языка и кинесики: Сборник статей к 75-летию Григория Ефимовича Крейдлина*. М.: Дискурс, 2023. [Pereverzeva S. I. (ed.). *Grani estestvennogo yazyka i kinesiki: Sbornik statei k 75-letiyu Grigoriya Efimovicha Kreidlina*

- [Aspects of natural language and kinesics: A collection of papers on the 75th anniversary of Grigoriĭ Efimovich Kreidlin]. Moscow: Diskurs, 2023.]
- Пирс 2000 — Пирс Ч. С. *Избранные философские произведения*. Голубович К., Чухрукидзе К., Дмитриев Т. (пер.). М.: Логос, 2000. [Peirce Ch. S. *Izbrannyye filosofskie proizvedeniya* [Selected philosophical papers]. Golubovich K., Chukhrukidze K., Dmitriev T. (trans.). Moscow: Logos, 2000.]
- Рубец 2009 — Рубец М. В. Восприятие тела в китайской традиции. *Телесность как эпистемологический феномен*. Бескова И. А. (отв. ред.). М.: ИФ РАН, 2009, 147–161. [Rubets M. V. Perception of the body in the Chinese tradition. *Telesnost' kak epistemologicheskij fenomen*. Beskova I. A. (ed.). Moscow: Institute of Philosophy, 2009, 147–161.]
- Руссо 2013 — Руссо М. М. Исчезающие и возникающие органы. *Лингвистика и методика преподавания иностранных языков*, 2013, 5: 173–199. [Rousseau M. M. Disappearing and emerging organs. *Lingvistika i metodika predpovaniya inostrannykh yazykov*, 2013, 5: 173–199.]
- де Серто 1975/2001 — де Серто М. Разновидности письма, разновидности истории. Дубин Б. (пер.). *Логос*, 2001, 4: 4–18 (1-я публ. 1975 г.). [de Certeau M. Writings and histories. Dubin B. (trans.). *Logos*, 2001, 4: 4–18 (first publ. in 1975).]
- Янко 2008 — Янко Т. Е. *Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте*. М.: Языки славянских культур, 2008. [Yanko T. E. *Intonatsionnye strategii russkoi rechi v сопоставitel'nom aspekte* [Intonation strategies of Russian speech in a comparative aspect]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008.]
- Adams, Aizawa 2019 — Adams F., Aizawa K. Embodied cognition and the extended mind. *The Routledge companion to philosophy of psychology*. Robins S., Symons J., Calvo P. (eds.). London: Routledge, 2019, 193–213.
- Barbieri 2008 — Barbieri M. Biosemiotics: A new understanding of life. *Naturwissenschaften*, 2008, 95(7): 577–599.
- Bucholtz, Hall 2016 — Bucholtz M., Hall K. Embodied sociolinguistics. *Sociolinguistics: Theoretical Debates*, 2016, 1(1): 173–200.
- Busch 2021 — Busch B. The body image: Taking an evaluative stance towards semiotic resources. *International Journal of Multilingualism*, 2021, 18(2): 190–205.
- Clark 1997 — Clark A. *Being there: Putting brain, body, and world together again*. Cambridge (MA): MIT Press, 1997.
- Cobley 2016 — Cobley P. *Cultural implications of biosemiotics*. Dordrecht: Springer, 2016.
- Creider 1977 — Creider C. A. Towards a description of East African gestures. *Sign Language Studies*, 1977, 14: 1–20.
- Damasio 1994 — Damasio A. R. *Descartes' error: Emotion, reason, and the human brain*. New York: Avon Books, 1994.
- Deely 1990 — Deely J. *Basics of semiotics*. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1990.
- Deely 2013 — Deely J. Objective reality and the physical world: Relation as key to understanding semiosis. *Semiotics*, 2013, 317–379.
- Di Paolo et al. 2018 — Di Paolo E. A., Cuffari E. C., De Jaegher H. *Linguistic bodies: The continuity between life and language*. Cambridge (MA): The MIT Press, 2018.
- Duranti 1992 — Duranti A. Language and bodies in social space: Samoan ceremonial greetings. *American Anthropologist*, 1992, 94(3): 657–691.
- Fauconnier, Turner 1998 — Fauconnier G., Turner M. Conceptual integration networks. *Cognitive Science*, 1998, 22(2): 133–187.
- Favareau 2009 — Favareau D. The semiotics of nature: Code-duality. *Essential Readings in Biosemiotics: Anthology and Commentary*. Dordrecht: Springer, 2009, 583–628.
- Geeraerts 2021 — Geeraerts D. Cognitive semantics. *The Routledge handbook of cognitive linguistics*. Wen X., Taylor J. R. (eds.). London: Routledge, 2021, 19–29.
- Goodwin 2000 — Goodwin C. Action and embodiment within situated human interaction. *Journal of Pragmatics*, 2000, 32(10): 1489–1522.
- Goodwin 2003 — Goodwin C. The semiotic body in its environment. *Discourses of the body*. Coupland J., Gwyn R. (eds.). London: Palgrave Macmillan, 2003, 19–42.
- Gumperz 1964 — Gumperz J. J. Linguistic and social interaction in two communities. *American Anthropologist*, 1964, 66(6.2): 137–153.
- Hoffmeyer 2008 — Hoffmeyer J. The Semiotic Body. *Biosemiotics*, 2008, 1: 169–190.
- Hübler 2006 — Hübler A. Assessing the body's share in conversation. *Semiotic bodies, aesthetic embodiments, and cyberbodies*. Nöth W. (ed.). Kassel: Kassel Univ. Press, 2006, 49–76.

- Ipsen 2006 — Ipsen G. Hybridization and extensions of the human body, or: The conquest of nature by culture. *Semiotic bodies, aesthetic embodiments, and cyberbodies*. Nöth W. (ed.). Kassel: Kassel Univ. Press, 2006, 77–99.
- Johnson 1987 — Johnson M. *The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1987.
- Kendon 2004 — Kendon A. *Gesture: Visible action as utterance*. New York: Cambridge Univ. Press, 2004.
- Kull 1999 — Kull K. Biosemiotics in the twentieth century: A view from biology. *Semiotica*, 1999, 127(1–4): 385–414.
- Lakoff 1987 — Lakoff G. *Women, fire and dangerous things: What categories reveal about the mind*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1987.
- Lakoff, Johnson 1980 — Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980.
- Langacker 1999 — Langacker R. W. The contextual basis of cognitive semantics. *Language and conceptualization*, 1999, 1: 229–253.
- Lidov 2018 — Lidov D. Embodiment and disembodiment in general semiotics. *Language and Semiotic Studies*, 2018, 4(3): 1–21.
- Martin, Zappavigna 2019 — Martin J. R., Zappavigna M. Embodied meaning: A systemic functional perspective on paralinguage. *Functional Linguistics*, 2019, 6(1): 1–33.
- McDonald 2013 — McDonald E. Embodiment and meaning: moving beyond linguistic imperialism in social semiotics. *Social Semiotics*, 2013, 23(3): 318–334.
- O’Neill 2008 — O’Neill S. *Interactive media: the semiotics of embodied interaction*. London: Springer, 2008.
- Paolucci 2021 — Paolucci C. *Cognitive semiotics*. Cham: Springer, 2021.
- Pelkey 2023 — Pelkey J. Embodiment and language. *WIREs Cognitive Science*, 2023, 14(5): e1649.
- Poyatos 1977 — Poyatos F. The morphological and functional approach to kinesics in the context of interaction and culture. *Semiotica*, 1977, 20(3–4): 197–228.
- Shapiro 2007 — Shapiro L. The embodied cognition research programme. *Philosophy Compass*, 2007, 2(2): 338–346.
- Sinha, Jensen de López 2000 — Sinha C., Jensen de López K. Language, culture and the embodiment of spatial cognition. *Cognitive Linguistics*, 2000, 11: 17–41.
- Sparhawk 1976 — Sparhawk C. M. P. *Linguistics and gesture: an application of linguistic theory to the study of Persian emblems*. Ph.D. diss. Ann Arbor: Univ. of Michigan, 1976.
- Stjernfelt 2006 — Stjernfelt F. The semiotic body. A semiotic concept of embodiment. *Semiotic bodies, aesthetic embodiments, and cyberbodies*. Nöth W. (ed.). Kassel: Kassel Univ. Press, 2006, 13–48.
- Talmy 2011 — Talmy L. Cognitive Semantics: An overview. *Semantics. An international handbook of natural language meaning*. Vol. 1. Maienborn C., Heusinger K., Portner P. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2011, 622–642.
- Terrado-Pablo 2017 — Terrado-Pablo J. Toward a history of cross-cultural written symbols. *Language and Semiotic Studies*, 2017, 3(1): 62–78.
- Turner 2016 — Turner J. S. Semiotics of a superorganism. *Biosemiotics*, 2016, 9(1): 85–102.
- Usmonova 2020 — Usmonova D. S. A typological analysis of body parts names in English as part of somatic phraseology. *Проблемы современной науки и образования*, 2020, 2 (147): 32–34. [Usmonova D. S. A typological analysis of body parts names in English as part of somatic phraseology. *Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniya*, 2020, 2 (147): 32–34.]
- Varela et al. 1991 — Varela F., Thompson E., Rosch E. *The embodied mind*. Cambridge (MA): MIT Press, 1991.
- Violi 2003 — Violi P. Embodiment at the crossroads between cognition and semiosis. *Recherches en Communication*, 2003, 19: 199–217.
- Zlatev 2012 — Zlatev J. Cognitive semiotics: An emerging field for the transdisciplinary study of meaning. *Public Journal of Semiotics*, 2012, 4(1): 2–24.